

го, працезского, пралезгинского и протодаргинского, а также языков, занимающих положение отдельных групп, — лакского и хиналугского — авторы приходят к ПВК и по существу совпадающей с ней ПСК консонантной системе. Реконструируется богатая система смычных, включающая губной, дентальный, свистящий, шипящий, палатальный (свистяще-шипящий), латеральный, велярный, увулярный и ларингальный ряды. В каждом ряду противопоставлены глухие, звонкие и абруптивные у смычных и глухие и звонкие у фрикативных. Кроме того, все согласные, кроме губных и сонорных, могли выступать в сочетании с w (фактически таким образом реконструируется корреляция по лабиализованности), а в аффрикатных сериях дополнительно постулируются бифонемные «геминаты». В последних двух случаях единственным аргументом в пользу бифонемной трактовки является у авторов соображение о типологической невероятности суммарного числа фонем в случае монофонемного подхода. Сомнительно, однако, что постулируемые бифонемные сочетания удовлетворяют известным в фонологии критериям отличия сочетаний от одиночных фонем; по-видимому, так же, как сходные с ними фонологические единицы в засвидетельствованных кавказских языках, они по этим критериям оказываются одиночными фонемами. Надо полагать, что критики «Словаря» обратят особое внимание на число реконструированных ПСК сегментов, в особенности на то итоговое число, которое возникает при отказе от бифонемного подхода: 43 простых шумных + 8 сонорных + 40 лабиализованных + 48 геминированных (включая сюда и лабиализованные геминаты) = 139 сегментов (ср. с этим реально наблюдаемые максимальные числа в арчинском — 81 согласный и в убыхском — 80 согласных). Авторам, вероятно, следовало принять решение, на возможность которого они сами указывают: «геминированные» аффрикаты и фрикативы могут быть полностью устранены из системы, так как каждый структурный тип корня допускает лишь один способ распределения геминат, т. е., например, либо CVCV, либо CCVCCV, но не CVCCV и т. п. Поэтому «геминация» может быть возведена к простому бинарному просодическому признаку [1, с. 90—91]. В этом случае количество согласных сокращается до приемлемого числа.

Вне зависимости от конкретных фонологических трактовок следует иметь в виду, что ограниченность числа фонем в языках связана, по-видимому, с ограниченностью артикуляторных и перцептивных способностей человека, но что разные фонологические признаки содержат в себе неодинаковую нагрузку на артикуляторную и перцептивную системы, причем реальные пределы этих способностей, насколько нам известно, не установлены. Ясно, что любой ларингальный или тембровый (палатализация, лабиализация...) признак фактически удваивает количественно систему согласных фонем, однако неясно, насколько такое «удвоение» реально влияет на функциональные возможности системы. Думаем, что эти возможности изменяются незначительно, так как увеличение числа элементов в системе не сопровождается существенным увеличением неразложимых частей этих элементов, т. е. фонологических признаков. Невероятное общее число фонем возникает лишь в результате простого комбинаторного перемножения этих признаков. Если бы кавказские языки отсутствовали на лингвистической карте мира, допустимый максимум числа шумных фонем в языке оценивался бы примерно в полсотни сегментов; северокавказские языки в этом отношении все равно уникальны, и поэтому типологические мерки следует применять к ним с некоторой осторожностью.

Беспрецедентным в истории сравнительно-исторического языкознания успехом можно считать реконструкцию ПСК и ПВК вокализма — возможной аналогией была бы ступенчатая реконструкция праиндоевропейской системы гласных и сонантов, исходящая исключительно из данных ныне существующих индоевропейских языков. Как известно, большинство исследователей даже не решалось ставить задачу такой реконструкции не только на ПВК, но и на уровне рещальных групп (единственным исключением была упоминавшаяся работа Д. С. Им-найшвили [15], а также попытка реконструкции пралезгинского вокализма у